

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ГЕРОИЧЕСКОЕ В ВОСПИТАНИИ¹

Эта статья порождена размышлениями о событиях Первой мировой войны. Известно, что война приводит в действие самые противоположные проявления человеческой природы: высокий патриотизм и зоологический национализм, героизм самопожертвования и звериную жестокость. Русским людям это известно лучше, чем другим. Сегодня перед нами вновь остро стоит проблема грамотного национального, патриотического, нравственного воспитания, проблема эмоциональной культуры наших детей.

Виктор
Сорока-Росинский

Ещё не так давно могло казаться, что путь, завещанный К.Д. Ушинским русской школе — путь национального воспитания, либо зарастёт, либо будет вконец исковеркан представителями **зоологического национализма**. Ещё не так давно мысль, что и в русской школе национальное, т.е. своё, родное, должно быть основой воспитания, встречала упорное противодействие, была под каким-то бойкотом со стороны лучшей части нашего общества. Но разразилась война² и показала, как утопичны были все наши космополитические теории и какое колоссальное значение в жизни народов имеет национальное чувство, даже там, где несколько поколений подряд воспитание строилось на фанатическом его отрицании. Национальное чувство оказалось неисчерпаемым источником героизма, доблести, подвигов самопожертвования и красоты человеческого духа. <...>

Война показала, что теперь уже не может быть вопроса о праве национального воспитания на определённое место в русской школе, ибо **национальное чувство есть великая неискоренимая и страшная по своей стихийности сила**. Её нужно воспитывать, нужно культивировать, надо направлять её на осуществление великих идеалов нашей культуры, иначе эта **грозная сила, предоставленная себе**, может извратиться и тогда станет страшной не столько для других народов, сколько для нашего же дальнейшего национального бытия.

И надо теперь же, когда война доводит национальное чувство до высшей его силы, взяться за это воспитание не только в старших классах, но и в младших, где столько горячих голов, столько пылкой фантазии, столько наивных порывов. Наши малыши прежде всего должны быть объектом самого тщательного внимания со стороны школы, ибо чувства, сильно пережитые в детстве, развиваются далее по тому направлению, которое тогда им было дано.

1

По книге: *Сорока-Росинский. В.Н.*
Антология гуманной педагогики. М.: Изд. дом Шалвы Амонашвили. 2003.

2

Первая мировая война.

— Чем отличаются коллегии Петра Великого от приказов Московской Руси? — В глазах маленького взъерошенного школьника мелькнул испуг; мальчик мучительно заметался, заискал чего-то в памяти, губами и пальцами даже шевеля от напряжения, и, наконец, каким-то чужим голосом, словно испорченный автомат, отвечает и, что хуже всего, отвечает совершенно правильно, насколько вообще способен правильно ответить на подобные вопросы мальчуган двенадцати лет, добросовестно вызубривший Острогорского.

«Зайца можно выучить играть на барабане, а кошку есть огурцы», — вспоминается откуда-то из Чехова при такой столь обычной сценке.

А между тем этот самый мальчик может рассказать, да ещё как — совсем иным, звонким голосом, с блеском в глазах, захлёбываясь, — и о том, как учился и жил Ломоносов, как защищали Севастополь, как замерзали на Шипке... и много ещё другого расскажет он с увлечением, как сказку, где он сам живёт вместе с героями. Просто диву иной

раз даёшься, как это такой малыш умудрился всё это прочесть и зачастую даже под запретом родителей. Для этого нужно было только, чтобы книжка захватила мальчика за сердце, подняла бы в нём волны чувств и стала бы этим ему понятной и близкой: ведь в **детском возрасте понять равняется перечувствовать**, пережить (а не только лишь воспринять); поэтому-то школьник, способный в один вечер проглотить целую книгу, приходит в ужас от двух страниц сухого и лаконичного учебника, как бы они ни были разъяснены преподавателем; поэтому-то хотя во многих ещё местах и задают детям разные глубокомысленные вопросы, педагогика давным-давно уже признала, что быть полезным, т.е. восприниматься и перерабатываться, может лишь наглядное, и весь секрет преподавателя, особенно в младших классах, и состоит в умении **делать наглядным всё преподаваемое**, иначе оно либо вовсе не будет воспринято, либо, вторгнувшись в психику ребёнка вопреки её сопротивлению, всё-таки будет выброшено, в лучшем случае бесследно; разве только цепкая память ребёнка удержит кое-какие крохи из этого бесполезного и ненужного.

Но ведь и кошка, приученная есть огурцы, вероятно, никогда не забудет вкуса этих огурцов.

Добиться искомой наглядности можно различными способами. Можно изучаемый предмет показать ученику, дать ему в руки, чтобы тот поглядел, потрогал, понюхал — словом, воспринял его всеми органами чувств. Такого рода наглядность восприятия широко применяется с помощью различного рода коллекций, рисунков, таблиц, схем, а также «волшебного фонаря» и за последнее время кинематографа.

Но наглядным может быть не только восприятие: всякое непосредственно переживаемое чувство так же реально живо, а поэтому и наглядно, как и ощущение; в силу этого можно сделать наглядным предмет, вызвав в душе ребёнка соответственное чувство и создав далее необходимые ассоциативные нити между таким чувством и изучаемым предметом. <...>

Героизм — вот что образует центр той сферы чувствования, в которой может оперировать преподаватель младших классов и вне которой он напрасно будет стучаться в душу ребёнка; чувства эти переживаются в школьном возрасте со свежестью и полнотою, никогда более не повторяющимися, захватывают психику иногда без остатка, делая её удивительно цельной, а все чувства ребёнка так мило непосредственными; чувства эти могучи, так как они являются не продуктом личного опыта, а бьют из глубины бессознательного, созданы опытом длинного, в глубь веков уходящего ряда предков, восаны с молоком матерей; в этом тяготении к героичному, в жажде подвига, в тоске по сильной, энергичной личности ребёнок живёт чувствами давно минувшего прошлого, он сливается с давно затихшей жизнью предков, родного народа и всего человечества. <...>

Касаться этой стороны детской психики надо с большой осторожностью, иначе можно неумелым обращением приучить

ученика к пошлости, а тем навредить ему на всю жизнь.

Разумеется, настоящий, милостью Божьей педагог, артист в душе, знакомый с восторгом творчества, сможет вспомнить своё детство и воскресить из недр бессознательного былой ребяческий героизм; такой педагог сможет и сам вдохновиться этой воскресшей волной сильного и красивого когда-то чувства, и весь класс захватить своим вдохновением.

Тогда можно быть спокойным за успех урока — талантливый педагог сам, без особых указаний методики, почувствует, как в каждом отдельном случае ему следует поступить, чтобы оживить в душе школьника древнее чувство героизма, выработанное ещё в те времена, когда человек умел безропотно всю свою душу, всю свою жизнь приносить в жертву своему роду, племени или государству, когда евангельская заповедь самопожертвования была лишь простой, не вызывавшей удивления привычкой. Оживив же это чувство, связав его с надлежащими понятиями из прошлой и современной жизни родного народа, будет нетрудно, положив в основу гражданского воспитания это чувство, развить его далее в способность глубоко проникаться общественными интересами и живо отзываться на них, жертвуя своими мелкими эгоистическими интересами и чувствованиями. **Прочное гражданское чувство, способное на жертвы, должно быть обосновано не на пустом месте личного индивидуального опыта, а на инстинкте**, создавшемся как результат многовекового, переходящего из поколения в поколение опыта; лишь тогда возможны будут твёрдые, убеждённые и цельные люди, способные проникаться общественными и сверхличными идеями, умеющие страдать и радоваться из-за Гекубы и тосковать от сытой, будничной жизни.

Средний преподаватель при всей своей опытности и добросовестности всё-таки никогда не должен полагаться только на своё педагогическое чутьё при трактовке тем, затрагивающих сильные и вы-

сокие чувства. Ведь просто словесное морализирование, не подкрепляемое примером, не вызывающее подражания и не настолько сильное, чтобы поднять в душе слушателя волны чувств, требующих вследствие силы своей действенности, — такое морализирование, во-первых, бесполезно: целью всякого воспитания является не сообщение бездейственных познаний пассивно внимающему ученику, а тренировка его, обучение различным действиям и превращение их из сознательных, требующих особого усилия и внимания волевых актов в простые привычные действия, исполняемые автоматически. Так приучают к физической, а затем интеллектуальной и нравственной опрятности, к аккуратности, а затем к добросовестности во всякой деятельности, к послушанию, а затем к повиновению велениям долга и порядочности. При всяком воспитании необходимо вызвать у ученика ряд подражательных действий, обучить его их отчётливому выполнению. Иначе воспитатель, хотя бы сообщивший массу хороших и моральных сведений, всё-таки так же мало достигнет цели, как учитель гимнастики, очень хорошо рассказавший, как надо прыгать через «кобылу», но ни разу сам через неё не перепрыгнувший и не заставивший своих воспитанников прыгать. Во-вторых, и словесное морализирование не безвредно, так как постоянно воспринимаемая дешёвенькая мораль и сладенькая сентиментальность накапливают в результате такую массу нудных ассоциаций, что потом ученик не может их уже слышать без лёгкого чувства тошноты. Это чувство становится для ученика противоядием, оберегая его от пошлости, так как он начинает слушать лишь поверхностно, не думая и не впуская в свою душу пошлых слов. В результате от него скучное морализирование среднего преподавателя отскакивает, как горох от стены.

Серьёзный вред может получиться, когда преподаватель принадлежит к типу людей, которых в своё время покойник Базаров не раз маливал: «Аркадий, не го-

вори красиво», — людей не горячих и не холодных, а так — тёпленьких: такие не могут создать своим словом в душе слушателя настолько сильных чувств, чтобы они требовали выхода, стремились к реализации и могли вылиться в действие; такие люди не вызывают и спасительной, как противоядие, скуки. Нет — они красноречивы, они, в сущности, талантливы, но **только они ниже, слабее своих слов**: как педагоги они способны создавать в душе школьника подобные себе средние, тёпленькие чувствованья, и если бы на этом они и останавливались, то всё было бы благополучно. Беда в том, что за этими тёпленькими чувствами следуют всегда потоки красивых слов, выносящие из души не только всю энергию вызвавшего их чувства, но и энергию других уже слоёв психики, что ослабляет её интенсивность. А когда далее в силу привычки для этих красивых слов не требуется уже и среднего чувствования, то тогда получается склонность к фразёрству, к крикливости, к пошлости, к шумливости там, где подобает благоговейное молчание либо энергичное действие, скудное на слова.

Если преподаватель такого типа умеет владеть классом и, при своей талантливости, действует на школьников заразительно, возбуждая свойственную их возрасту подражательность, то он положительно-таки вреден, особенно если он не только сам при всяком случае красиво и горячо говорит о высоких темах, но и детей приучает к этому, ибо он готовит из них пошляков, способных много и красно говорить, посредственно чувствовать и очень мало делать.

Что действительно может быть хуже в педагогическом отношении тех патриотических декламаций, когда одиннадцатилетняя девочка, ещё поигрывающая в куклы, начинает неестественно громко и очень выразительно вещать о чувствах, которых ещё и не осознаёт, или когда мальчуган, вчера ещё здорово подравшийся во время пускания корабликов в луже, вдруг с ужасно мрачным видом бормочет какое-нибудь патриотическое в славянофильском прежних времён духе стихотворение?

Героизм, как указывалось выше, и является тем чувством, которое может быть использовано для того, чтобы воспитать национальное чувство и интеллектуализировать его, связав с такими малонаглядными предметами, как история или русская словесность. Ведь в детстве всякое чувство, если оно уже развилось, занимает большое место в душе, составляет, можно сказать, её основу настолько, что даже **познание и то в этот период совершается через чувство**. Каким же методом было бы всего целесообразнее и надёжнее руководиться, чтобы иметь возможность всегда вызвать столь близкие школьникам героическое и национальное чувствования, не рискуя запошлить их или надоесть ученикам? <...>

Таким методом может быть музыка и пение, особенно народная песня. Ведь народная песня, которую когда-то пели деды и прадеды, в которую много поколений вложили свои страдания, свои думы, надежды, радости и торжество, в значительной сте-

пени творилась в героический период существования народа или в героические моменты его исторической жизни, моменты особого подъёма его сил. А мы знаем, что как раз **никогда в другое время не бывает душа человека так близка к этим-то моментам, как в отрочестве**. Поэтому народная песня, всегда связанная с самыми затаёнными глубинами нашего бессознательного, где живёт неслышной жизнью всё прошлое народа, способна дать школьнику почувствовать с силою и полнотой, для взрослого человека, может быть, и мало доступными, основные моменты всей исторической жизни его родины и то великое и высшее, что заключается в национальной индивидуальности каждого народа, что всегда внушало человеку благоговейное преклонение и у всех народов превращало понятие отчизны в нечто священное, требовавшее, подобно божеству, жертвы, подвига и самоотвержения. Особенно высоко воспитательное значение русской народной песни — не кантат о громах побед и о веселящемся по сему случаю россе, не генеральской, а настоящей русской народной песни: она лишена какого бы то ни было агрессивного характера, в ней нет ненависти к иноземцу. <...> Она говорит лишь об интимном души русского народа, о его исторических горе и радости и раскрывает самые лучшие стороны психики — те индивидуально-национальные творческие силы, которые и делают возможной национальную культуру и не дают народу превратиться лишь в потребителя ценностей, производимых другими народами, вкладывающими своё в сокровищницу общечеловеческой культуры. При восприятии этого бессознательного словно какое-то море сочных, красивых и величественных чувств, удивительно близких, родных и милых сердцу, вливается в душу, потрясает её до основания и поднимает интенсивность переживаний до удивительной высоты, вызывая восторг, экстаз — целую бурю особо возвышенных сверхличных чувств, перед которой никнут все самые сильные эмоции, даже эгоизм, даже самый могучий инстинкт самосохранения; человек живёт тогда уже иной, более широкой, более интересной, более достойной его жизнью — **жизнью сверхличной**.

Спартанцы хорошо это знали и с детства приучали своих школьников к родным песням и музыке. Эти мелодии были, по отзывам греков, довольно примитивны, но, воспринимаемые с малых лет, они связывались с самым дорогим, что было в сердце спартамца, всегда будили в нём привычное для этого народа воинственное, героическое чувство — и вот потом в бою, в минуты смертельной опасности, звуки эти воодушевляли воинов до полного презрения к опасности и смерти. <...>

Целью воспитания является создание поколений, способных продолжать культурную работу своих предшественников путём творчества культурных ценностей.

Для достижения такой цели необходима преемственность этой работы, возможная лишь при условии духовной близости воспитываемых к родной культуре, близости органической к предшествовавшей работе, к тому, чем болели, страдали и жи-

ли отцы и деды, что им было дорого и мило. Ещё необходимо, чтобы воспитываемые поколения стали способны к деятельности не только личной, но и такой, которая выходит за пределы узких личных интересов и устремляется к идеалам сверхличным, где бы они ни лежали — в религии ли, в искусстве, в науке или в общественной деятельности.

Национальная песня и музыка и открывают в душе воспитываемого то интимное родное, что, таясь обычно в бессознательном в области чувств и инстинктов, составляет ядро и самое существенное — основу национальной психики, что одинаково близко и задушевно и уходящим из жизни, и подрастающим поколениям; таким образом, между ними становится возможным духовное, уже создаваемое родство и преемственность дум, чувств и желаний, а стало быть, и преемство культурной работы.

Народные мелодии дают основу и для воспитания способности к нравственной, т.е. сверхличной, деятельности, так как они оживляют в душе школьника инстинкт героизма и заставляют испытать характерную для юности тоску от спокойного будничного существования. Тогда неудержимо начинает тянуть человека к подвигу, к самопожертвованию, к чему-нибудь такому, чему можно было бы всю душу отдать без остатка, забыв себя, во имя высшего и великого. Эта свойственная юным народам и людям жажда подвига впервые знакомит школьника с красотой сверхличных чувств, знакомит не наставлениями или поучениями, но путём непосредственного переживания — воспитателю остаётся лишь развить и культивировать эти чувства, превращая их в прочное, неискоренимое, как инстинкт, стремление к сверхличному. Школьник, воспитанный таким образом на звуках родной песни, впервые почувствовавший в них всю святость родины и родного рода — высших этических ценностей, будет застрахован от зоологического национализма, при котором сознание своей национальной индивидуальности

сочетается с бахвальством, с животным позывом к разгрому инородца, к оскорблению его национальной святыни.

Особенно важно, чтобы подрастающая молодёжь воспитывалась на национальной песне именно теперь, когда во многих общественных кругах замечается подъём национального чувства, когда мы всюду видим попытки использовать этот подъём, превратив его в зоологический национализм. Необходимо парализовать эти попытки, а растущее национальное самосознание превратить в источник национально-культурной работы; тем более это необходимо сделать, что ныне у нас всюду замечается также и резкий разрыв широких народных масс с прежними условиями жизни и переход к новому, чуждому доселе обиходу. При таком разрыве прежние нравственные начала, испокон веков регулировавшие жизнь, теряют своё значение и **наступает время нравственной анархии, когда старые боги низпровержены, а новые ещё не найдены:** тогда открывается полное раздолье для разных антикультурных внушений, и прежде всего таких, как зоологический,

пробуждающий зверские инстинкты национализм. <...>

Национальная песня, будя героизм и древнее чувство любви к родной земле, является лучшим методом воспитания национального чувства и обеспечивает ему путь высокоэтического развития. Национальная песня поэтому и может помочь школе предотвратить грозящую при слишком быстром разрыве с прошлым опасность для подрастающих поколений; точно так же устранена будет и опасность запощления национального чувства и его извращения в шовинизм. Надо, чтобы школьник с ранних лет слышал родную песню и привык воодушевляться при звуках её и чувствовать в себе кровь своего народа и всё то героическое и высокое, что таится в народной душе; надо, чтобы национальная песня сопровождала все торжественные моменты жизни школьника, чтобы он чувствовал потребность выразить свои чувства в те моменты, когда душа бывает полна, так, как это делает всякий нормально развивающийся народ — в народной песне, исполняемой хором, всем миром. **НО**

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Особенности управленческой деятельности руководителя в условиях современного образовательного учреждения

Анатолий Овчинников, директор Новомосковской школы-интерната для детей-сирот, кандидат педагогических наук, заслуженный учитель РФ

Действующая система сиротских школ-интернатов готовит в основном выпускников, мало подготовленных к самостоятельной жизни со всеми её сложностями и противоречиями. Автор проводит социально-педагогический эксперимент «Гуманистическая воспитательная система сиротского учебного заведения — определяющий фактор успешной подготовки социально адаптированной личности воспитанника». Его главная идея — перевести гуманистическую ориентацию школьного образовательного процесса в деятельностный план, а именно — разработать механизмы реализации своевременной социально-педагогической поддержки ребёнка с особыми нуждами, позволяющей ему своевременно определить свой собственный путь и реализовать себя в жизни, стать достойным гражданином своей страны.